

И. В. Малыгина³

ПОСЛЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На протяжении последних десятилетий мировой порядок определялся глобализационным проектом. Сегодня, когда феномен глобализации осмыслен в достаточной мере и освобожден от некоторых мифов, несостоявшихся прогнозов, можно говорить о неких устойчивых закономерностях и видимых результатах глобализации, в том числе в их культурном измерении.

Глобализация определила контуры нового мироустройства и со всей отчетливостью обозначила *проблему субъектов современного миропорядка*. А немногим дольше двух последних столетий человек существовал в мире, устроенном по национально-государственному принципу. Это произошло после того, как был провозглашен принцип, авторство которого приписывают Наполеону: «Одна нация — одно государство». Реализация данного императива предполагала (и в итоге привела) к совмещению политических и культурных границ, формированию национальных государств и национальных культур современного типа, которые пришли на смену транснациональным династическим государствам. И на протяжении последующих двух веков именно национальное государство выступало в качестве основной «единицы выживания», а национальные культуры оставались доминирующей формой культурной целостности.

Мировое же культурное пространство представляло собой конгломерат национальных культур, каждая из которых, несомненно, характеризовалась разным уровнем сбалансированности этнического разнообразия и надэтнического, то есть политического, национального единства. Главное, что в мировом простран-

стве национальные государства отождествлялись с национальными культурами. Вспомним, что в пору существования Советского Союза как национального государства к русской культуре мировое сообщество относило все этнические национальные культуры, которыми был представлен Советский Союз (украинскую, казахскую, грузинскую и т. д.).

Глобализация «смешала все карты» и стимулировала серьезные сдвиги в мировом порядке: национальные государства утратили статус не только «единиц выживания», но и доминирующих субъектов мировых политических, экономических, а следовательно, и культурных процессов, уступив эти функции военно-политическим блокам, экономическим союзам и т. д.

Ослабление происходящих в мире изменений сопровождалось появлением в рамках социально-гуманитарного дискурса целого ряда прогнозов, касающихся и нового миропорядка, и адекватных ему культурных трансформаций.

Современные аналитики отмечают тенденцию к становлению нового глобально-информационного общества, которое формируется как «надстройка» над старой системой мирового устройства, — своего рода «трансграничный “виртуальный континент”» (А. И. Неклесса). Этот «континент» имеет: особую экономику, основу которой составляют глобальные финансовые рынки; достаточно развитую и разветвленную инфраструктуру (система международной торговли и производства, глобальные рынки труда, товаров и услуг и т. д.); новых субъектов — ТНК и МНК, функционирующих как сетевые системы⁴; особую систему надправительственных, надгосударственных органов управления (Большая семерка, Римский и Лондонский клубы, Международный банк, Международный валютный фонд), которые на сегодняшний день обладают значительным политическим влиянием и оказывают заметное влияние на политику национальных государств, как, впрочем, и на всю систему международных отношений; свою социальную опору — трансграничный глобалистский слой, весьма разнородный по составу (от глобалистской элиты до рядовых сотрудников ТНК и МНК), формирующий новые типы социальных связей и новые типы социальных групп (напри-

³ Проректор по научной деятельности, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор. Автор более 130 публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помятой культуры” к “культуре забвения”», «Массовая культура и казус самоопределения, или Новые идентичности в древних одеждах», «Между “быть” и “казаться”»: Дискурсы и соблазны самоидентификации в современной культуре» и др. Член президиума Российского научно-образовательного культурологического общества.

⁴ Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 64–65.

мер, различные интернет-сообщества)¹; глобальную информационную сеть Интернет, отменяющую почти любые границы межкультурных коммуникаций; свою культуру, в роли которой выступает массовая культура, претендующая на роль культурного проекта глобализации и, наконец, особую транснациональную идентичность. По оценкам некоторых исследователей, эта новая идентичность, «флуктуирующая» и «космополитичная» по своей сути, не связана больше с той или иной культурно-религиозной, национальной или этнической традициями².

Формирование «виртуального континента» сопровождается формированием наднациональных форм идентичности, теперь уже зачастую совпадающей с контурами цивилизаций, если вслед за С. Хантингтоном иметь в виду под цивилизацией «наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации»³.

Эти процессы можно отчетливо наблюдать на примере западноевропейской цивилизации, в рамках которой сформировалось то чувство сопричастности, общей судьбы и ментальной близости, которые объединяют различные народы, обладающие собственной этнокультурной спецификой, но при этом включенные в более широкую систему *общеευропейских* ценностей, на формирование которой повлияло западное христианство, культурное наследие Античности, Возрождения и различных трансевропейских стилей в искусстве, направлений философии, либерально-демократические традиции, лингвистическая, расово-этническая близость и т. д.

Вместе с тем события последнего года показали, что формирование «транснациональной» культуры и идентичности носит болезненный и противоречивый (кризисный) характер, что эмпирически подтверждается целым рядом этнонациональных конфликтов, которыми ознаменовалась вторая половина XX — начало XXI века. Как результат, ощущение цивилизационного единства остается весьма зыбким и неустойчивым.

Например, в европейском сообществе оно доминировало вплоть до конца 1980-х годов — 47 % населения европейских стран в этот период идентифицировали себя как европейцев, а 41 против 36 % полагали, что их страна выигрывает от членства в ЕЭС. К середине 1990-х годов ситуация заметно изменилась в сторону ослабления общеευропейской идентичности: 45 % признались в том, что в их чувстве национальной принадлежности нет вообще никакой европейской составляющей. Около 90 % европейцев отметили в качестве приоритетной идентификацию со своей этнической общиной и со своим регионом⁴.

¹ *Хачатурян В. М.* Цивилизации в новом социальном пространстве // *Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: Новый Шелковый путь к культуре без границ: Междунар. симпоз., Республика Корея, 18–24 мая 2009 г.* : сб. ст. М. : Ёнгволь, 2009. С. 69–70.

² Там же. С. 70.

³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. С. 51.

⁴ Цит. по: *Костина А. В.* Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире // *Проблемы филологии и культурологии.* 2006. № 4. С. 165–166.

Различные европейские страны, обеспечившие практически неконтролируемый доступ миграционным потокам, с большей или меньшей долей открытости переживают разочарование идеологией «открытого общества»: некоторые из них стремятся закрыть свои границы для мигрантов из Африки и Ближнего Востока, а брексит (от соединения слов *Britania* и *exit*) — выход Британии из Европейского Союза — только подчеркнул зыбкость транснациональных образований, даже таких мощных и экономически благополучных, как Европейский Союз.

В свою очередь, современные иммигрантские сообщества стремятся сохранять коренные традиции и поддерживать связи со страной своего происхождения, образуя, по сути, новый тип транснациональных сообществ.

Можно заметить, что в последнее время тема традиции, казалось бы, пережившая пик научного интереса еще в 1960-е годы, снова оказалась весьма востребованной. И в том числе в контексте дискурса глобалистики.

Причин тому много, но прежде всего это связано с постоянной актуализацией рефлексии на тему традиционных, устойчивых оснований культуры, по всем признакам не исчерпавшей еще ресурс постмодернистского релятивизма. Это свидетельствует о том, что как бы ни существовал в культуре человек — в гармонии ли с ее традиционными ценностями и установками, или в неизбывном конфликте с ними и стремлением вырваться за «флажки», — он не может существовать вне системы координат и нуждается хотя бы в относительной стабильности. Отсюда, вероятно, и интерес к традиции как ценностно-смысловому ядру любой культуры, базовому основанию идентичности и ее самому устойчивому образу.

А вот контексты такой рефлексии разворачиваются самые разные, прежде всего в связи с тенденцией к сокращению культурного и лингвистического разнообразия мира. По данным ЮНЕСКО, около 2500 языков из 6 тыс. существующих сегодня в мире находятся в зоне риска и в ближайшее время могут исчезнуть, улетая за собой и соответствующие традиционные культуры (из них 136 — на территории России).

Глобализация с ее выраженными модернизационными установками придает ускорение этим процессам, в частности сокращая не только число традиционных культур, но и долю носителей традиционного образа жизни, производителей традиционной культуры в составе населения постиндустриальных государств (сельских производителей).

Однако культура оказалась самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком в сценарии глобального проекта: чем пластичнее становились территориальные и государственные границы, тем больше нарастала плотность культурных границ, тем настойчивее они смещаются в ментальное пространство, выстраиваясь вокруг идентичностей. И именно мощный идентификационный потенциал культурной традиции стимулировал активное развитие традиционализма и фундаментализма.

Аналитики настаивают, что в основе фундаменталистских акций, которыми отмечены конец XX и уже

прожитый отрезок XXI века, лежит именно покушение на культурную идентичность, на сакральные чувства принадлежности человека той или иной культурной традиции.

Эта «эпоха восстания традиционалистов», как бы странно это ни звучало, — вполне «культурное» по своим причинам явление, поскольку являет собой акты борьбы за сакральную неприкосновенность традиционной культуры, «сопротивления *традиционных культур и народов* тотальному наступлению на них “цивилизации» (курсив мой. — *И. М.*) без святых и героев”» (В. Кутырев).

Таким образом в современном мире в очередной раз актуализируется дихотомия «традиция–модернизация», уже не раз осмысленная, переосмысленная и выведенная почти в маргинальные поля теоретической традициологии.

Однако, сознательно допуская некоторое упрощение, можно утверждать, что самые глубокие конфликты современного мира «стягиваются» как раз к этому глубинному противоречию двух различных типов социокультурной динамики: традиционности и модернизации.

Крайней формой этого противостояния стал «глобальный», «международный» или «новый» терроризм, во всей полноте воплощенный в такой международной структуре, как ИГИЛ или ДАИШ, легитимация которого выстраивается на идее «защиты» культурной традиции, основанной на идеологии ислама.

Терроризм настолько стремительно вошел в современный мир, что по-настоящему не получил еще сколько-нибудь системного осмысления. Любое явление, чтобы быть осмысленным, описанным, должно быть рассмотрено с определенной временной дистанции. В данном случае такой возможности нет: терроризм сегодня опережает не только политические реак-

ции и решения, но и научную рефлексию, возможно и потому, что постоянно демонстрирует все новые формы и векторы развития. И самая последняя тенденция, которая подобно пружине развернулась на наших глазах в связи с активностью ИГИЛ, — это сублимация террористической активности в символическую сферу и выбор культуры в качестве важного стратегического объекта террористической активности.

Очевидно, что преступления в Пальмире и Мосуле против мирового культурного наследия не могут быть объяснены исключительно невежественным фанатизмом и поиском дополнительных источников финансирования деятельности террористических организаций. Террористы очень точно угадали уязвимое место, зону «сакрального» для западного общества: это памятники культуры, обладающие символическим, сакральным значением для всей западной цивилизации. Поэтому в разрушении и разграблении культурного наследия, помимо всех меркантильных целей, необходимо видеть совершенно определенный жест и высказывание, ответ на которые пока остается исключительно в рамках силовых решений.

Таким образом, на угрозы культурной унификации человечество в самых разных частях света отреагировало демонстративной манифестацией своей культурной неоднородности и обозначением символических границ, показав, что этнокультурное и ментальное многообразие современного мира не только не сокращается, но становится все более сложным и конфликтным.

Главная идея, которую принес с собой глобальный проект, — идея движения к единой культуре и «общепланетарному этносу», — оказалась одной из величайших иллюзий современности, с которой мир расстается с большей или меньшей степенью разочарования.